

УДК 81'37
ББК 81.03

Л.Б. Савенкова

**СИНТАГМАТИКА
КАК СПОСОБ
ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ
ВОЗРАСТНЫХ
СТЕРЕОТИПОВ
В РОМАНАХ
М.А. ШОЛОХОВА**

Рассматривается использование возрастных стереотипов в романной прозе М.А. Шолохова. Утверждается, что автору удастся совместить опору на привычные возрастные характеристики с индивидуальной детализацией образа за счет использования сочетаемого потенциала разноструктурных сравнений.

Ключевые слова: *Шолохов, художественная деталь, возраст, стереотипность, союзное сравнение, сравнительное наречие, синтагматика.*

DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-27-35

Савенкова Людмила Борисовна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7(863)253-86-81
E-mail: savenkova@sfned.ru

Одной из примет творческого почерка писателя, которые позволяют оценить его как великого, является его способность создавать целостные образы из умело подобранных деталей, причем детали эти должны быть для адресата уверенно распознаваемыми по содержанию и в то же время не нести на себе печати формальной избитости. Таким умением, вне всякого сомнения, обладал М.А. Шолохов, которого не случайно считают мастером детали, умеющим «через видимое и внешнее прозревать внутреннее и душевное в человеке» [Семенова, 2003, с. 207].

Функции детали в поэтике шолоховской романной прозы с литературоведческих позиций подробно исследованы П.В. Трофимовой, пришедшей к заключению, что художественная деталь здесь «выступает в роли концептуально значимого микрообраза, реализующего многообразие художественных смыслов произведения, служит способом авторской оценки происходящего, конструктивным компонентом художественного целого» [Трофимова, 2009]. Отдельные детали, высвечиваемые М.А. Шолоховым, многократно попадали и в фокус внимания лингвистов. Для примера сошлемся хотя бы на исследования Ю.А. Гвоздарева, Е.Б. Гришаниной, О.А. Давыдовой, А.В. Дроботун, Л.Б. Савенковой, упомянутые в списке литературы к данной статье.

Известно, что способом и познания мира, и его художественного отображения выступает сравнение. Поэтому и деталь часто передается именно с его помощью. Шолоховские сравнения также не

раз служили объектом анализа как с точки зрения семантики, так и с позиций структурного разнообразия (см., например, работы Д.И. Александровой, Н.А. Белик, А.В. Ваганова, Г.С. Ермолаева, М.Н. Крыловой, Л.И. Мяснянкиной, Б. Тури и др.). Однако кажется важным составить представление о том, за счет чего отдельные способы выражения сравнения помогают писателю наложить на узнаваемость образа индивидуализацию. Попробуем выявить механизм нюансировки детали через включение разных видов сравнений в текст на конкретном примере – детализации образа, связанной с отсылкой к возрасту.

О том, что возрастные особенности человека в языковом сознании воплощаются в стереотипных представлениях, говорит наличие устойчивых сравнений, ср.: *как только что на свет родился/народился* [Огольцев, 1992, с. 125], *наивный, доверчивый, простодушный как младенец, беспомощный, беззащитный как младенец, спать, засыпать как (невинный) младенец* [Там же, с. 84–85], *беззащитный, беспомощный как ребенок, наивный как ребенок* [Лебедева, 1998, с. 137], *уговаривать, успокаивать как (малого/маленького) ребенка* [Там же, с. 157], *смотреть, ухаживать как за (малым) ребенком* [Там же, с. 154], *радоваться, плакать, бояться как маленький* [Там же, с. 201], *как маленький, рассуждать как маленький* [Огольцев, 1992, с. 80], *радоваться, плакать, рыдать как дитя* [Лебедева, 1998, с. 199], *плакать, реветь как девчонка* [Там же, с. 198], *плакать, расплакаться как (маленькая) девочка* [Огольцев, 1992, с. 38], *относиться как к девчонке* [Лебедева, 1998, с. 166], *разговаривать как с девочкой, вести себя, поступать как мальчишка, обращаться, разговаривать как с мальчишкой* [Огольцев, 1992, с. 80], *отчитывать, поучать как мальчишку, провести, обмануть, надуть как мальчишку* [Лебедева, 1998, с. 157], *краснеть как мальчишка/мальчик* [Там же, с. 201], *стройный как юноша* [Огольцев, 1992, с. 165], *легкий, подвижный как юноша* [Лебедева, 1998, с. 65], *румяный как девушка, стыдиться, смущаться, краснеть как девушка / красна девица* [Огольцев, 1992, с. 39], *ломаться, жеманиться как красная девушка / красна девица* [Там же, с. 40], *сутулый, сгорбленный как (стоletний) старик, кашлять как (стоletний) старик* [Там же, с. 137], *ворчать как старый дед* [Лебедева, 1998, с. 149]. Каждое такое сравнение характеризует либо называемый именем прилагательным константный атрибутивный признак (треть единиц), либо маркируемые глаголом действие, состояние, черту или тип поведения субъекта, а иногда и действие в отношении объекта, наделенного стереотипными возрастными приметами (две трети единиц). Точкой отсчета для создания стереотипных представлений в кругу устойчивых сравнений служит образ индивида средних лет, а параметрами оценки выступают его внешний вид, состояние здоровья, физические/физиологические приметы, интеллект, психика, воля, моторика, поведение и отношение к нему со стороны других индивидов. Большинство подобных сравнений характеризует взрослого носителя атрибутивного или процессуального признака либо объект воздействия негативно, указывая на его несоответствие эталонным возрастным параметрам: в нем проявляются

черты ребенка (беспомощность, интеллектуальная скудость, неуправляемая эмоциональность, поведенческая бесконтрольность) или старика (физические недостатки, болезненность, субъективность в коммуникативном поведении). Позитивные черты отмечаются только при сравнении лица средних лет по физическому критерию с юношей (стройность, легкость, подвижность) или девушкой (румяность).

В шолоховских романах (материалом для исследования послужили «Тихий Дон» и «Поднятая целина» из собр. соч. в 8 т., при цитировании в круглых скобках указывается аббревиатура названия – ТД или ПЦ, затем том и через запятую – страница) удалось обнаружить лишь 15 случаев использования собственно устойчивых сравнений, отсылающих к возрастным стереотипам (ср. с приведенными выше словарными примерами): *Врублевский радовался и смеялся, как ребенок* (ТД, 1, 241); *Стыдно, господа! Мы вели себя, как дети! Никто не сообразил вовремя шлепнуть этого подлеца!* (ТД, 2, 150). В подавляющем большинстве (14 контекстов из 15) они включены в реплики персонажей, и индивидуализации стереотипа способствует выбор лексических средств из круга литературных или диалектных, нейтральных или разговорных, ср.: *Дуришь, Григорий Пантелеевич! Как мальчишка ведешь себя!* (ТД, 4, 87); *я упал на снег и рыдал, как мальчишка...* (ТД, 2, 93); *Он уже как малое дите стал, всякому слову верит* (ПЦ, 6, 282); *спит тихочко и спокойно, как смирное дите в люльке* (ПЦ, 6, 303); <...> *как я нехорошо смутилась... Как девчонка!* (ТД, 2, 278); *Гутаришь ты, Сема, всякую чепуху, прямо как мальчишка* (ПЦ, 6, 32); *Вы старый человек, а рассуждаете, как несмысленное дите!* (ПЦ, 6, 262); – *Ступай! Ноги повыдергаю! – Ни к чему это! Ну что, чисто как ребятишки!* Иван Алексеевич неодобрительно покачал головой (ТД, 2, 295); *И до каких же это пор, господа хорошие, вы будете изо дня в день <...> помыкать мной, ну, как малым парнишкой?* (ПЦ, 6, 318).

Индивидуально-авторских сравнений гораздо больше: 35 вводятся союзом *как*, пять – союзом *будто*, единичный случай – сравнение с союзом *словно*. Соединения образа сравнения с союзом *будто* позволяет выразить условно-предположительное сравнение: *Марина – будто двадцать лет с плеч скинула. Она встречала Андрея по ночам, сдержанно сияя чуть косо поставленными глазами, <...> и до белой зорьки не сходил со скуластых смуглых щек ее вишневым, яркий румянец. Будто девичье время вернулось к ней!* (ПЦ, 5, 42); *И откуда только взялась у старика резвость! К нему будто бы вернулась давно ушедшая молодость: в два прыжка он был уже на берегу* (ПЦ, 6, 216).

Союзные сравнения в шолоховских романах за редким исключением характеризуют действие или состояние (основание сравнения в них выражено глагольной формой), то есть рисуют образ в динамике.

Среди индивидуально-авторских союзных сравнений есть и включенные в реплики персонажей, и вплетенные в речь повествователя, при этом вторые зачастую развернуты, и распространенными оказываются как образ сравнения, так и его основание, ср.: *В нем (Петре. – Л.С.), как*

ребенок под сердцем женщины, властно ворохнулась жизнь (ТД, 3, 185); *увлажненные глаза сияли счастьем, как у молоденькой девушки* (ТД, 4, 186); *Он подпрыгнул, стоя за партой, как молодой петух перед боем, даже бородавка его затряслась от ярости* (ПЦ, 6, 257). Таким образом, индивидуализация стереотипа здесь осуществляется за счет реализации синтагматического потенциала основных элементов союзного сравнения.

Развертывание сравнения по возрастным приметам опирается именно на стереотипные представления о различных параметрах «усредненного» носителя возрастных примет. Так, мысль о ребенке связана с наличием особых черт внешности, которые не встречаются у взрослых, с идеей его несамостоятельности, незащитности и стремления найти защиту у матери, неготовности к терпению и страданию, неумения сдерживать чувства. Все эти штрихи и соединяются в систему экспликации развернутого образа, основу которого составляют слова, именующие возрастную фазу и описывающие ожидаемые действия или проявления качеств:

«Ежели – насмерть, вытянется такой шестнадцатилетний «воин», и ни за что не дашь ему его коротеньких шестнадцати лет. Лежит этакое большое дитя с мальчишески крупными руками, с оттопыренными ушами и зачатком кадыка на тонкой, невозмужалой шее. <...> Крикнет “воин” заячьим, похожим на детский, криком: “Родимая моя мамунюшка!” – и дробные слезы сыпанут у него из глаз. <...> Будет бывалый сотенный фельдшер промывать пулевой или осколочный надрез и, посмеиваясь, утешать, как дитяню: “У кошки боли, у сороки боли, а у Ванюшки заживи”. А “воин” Ванюшка будет плакать, проситься домой, кликать мать.» (ТД, 3, 247).

Тяготение М.А. Шолохова к созданию динамичных образов заставляет его активно вовлекать в формирование «возрастной» детали не только союзные сравнения, но и два разряда сравнительных наречий: 1) мотивированных прилагательными и образованных префиксально-суффиксальным способом (ср. *по-детски, по-ребячески, по-ребячьи, по-мальчишески, по-юношески, по-девичьи, по-молодому, по-взрослому, по-стариковски, по-старчески* – всего 46 употреблений), а также 2) примыкающих к ним суффиксальных дериватов, близких к упомянутому типу семантически (*детски, отрочески, юношески, девически, старчески* – всего 21 употребление). По наблюдениям А.М. Пешковского и В.В. Виноградова, дериваты с префиксом *по-* в большей степени акцентируют внимание на реальности и конкретности предмета, а беспрефиксные – на качественности [Виноградов, 1972, с. 280]. Тяготение к предметной детали, видимо, и обуславливает шолоховское тяготение к наречиям с приставкой.

Думается, компактность формы и способность лаконично указать на возрастную стереотип позволяет писателю вводить эти наречия в состав предложения в непосредственном подчинении а) прилагательному или качественному наречию для конкретизации качества, ср.: *Линии рта*

были <...> **детски нежны** (ТД, 2, 192); под **юношески пушистыми** усами (ПЦ, 5, 51); совсем **по-детски беспомощно и горько** заплакала (ТД, 2, 145); 6) глаголу для конкретизации действия, ср.: **по-детски перебирая** складки платья (ТД, 4, 258), **по-детски привстав** на носки (ПЦ, 6, 290), а также в конструкциях, указывающих на возрастной параметр как на основной фактор проявления признака (такое наречие выступает в роли поясняющего (ср.: Кошевой **тяжело, по-стариковски** встал (ТД, 2, 296), **давай, пожалуйста, мирно, по-стариковски** отступать (ТД, 4, 233)) или поясняемого члена предложения (ср.: **по-взрослому, накоротке** взглянул (ПЦ, 6, 331); либо реже – уточняемого, ср.: **мучился по-мальчишески, безрассудно и глупо** (ТД, 3, 43); **По-стариковски, сослепу**, может, я и преувеличиваю (ПЦ, 6, 123). Именно сравнительные наречия позволяют М.А. Шолохову показать художественный образ «под микроскопом», поскольку указывают не на общее впечатление, а на разнообразные мелкие детали внешности, ср.: **положив на стол старчески костлявую, длинную ладонь** (ТД, 2, 74), **старчески желтоватые, коротко остриженные волосы** (ТД, 3, 35), услужливая память, как бы для сравнения, отчетливо нарисовала перед ним **девически стройную, точеную фигуру** Лушки (ПЦ, 6, 184) и т.д.

Стоит также подчеркнуть, что данный способ выражения сравнения наиболее разнопланов в смысле указания на степень соответствия признака стереотипным представлениям о возрастной характеристике. Из 67 контекстов этого типа в 23 случаях указывается на соответствие признака возрасту (ср.: <...> **Мишатка** <...>, **по-детски глубоко взволнованный** тем, что дед собирался бить всех и орал на весь курень, дрожа ноздрями, вдруг звонко сказал: – Развоевался, хромой бес! Дрючком бы тебя по голове, чтоб ты не пужал нас с бабуней!. (ТД, 4, 62));

в 10 – на проявление сходства субъекта с более старшим/старым (Нет, не поеду. – Григорий взял из рук Прохора поводья, **тяжело, по-стариковски, сел в седло** (ТД, 4, 257)), а в остальных 34 – сходства субъекта с младшим по возрасту, ср.: **Жесткое, строгое выражение лица** нарушала лишь **косичка** волос, как-то **по-ребячески спускавшаяся на лоб** (Корнилову в это время 47 лет. – Л.С.) (ТД, 2, 113). Стоит еще раз подчеркнуть, что в половине случаев взрослые и даже старые персонажи сохраняют связь с этапами жизни, предшествовавшими изображаемым моментам.

Осмысляя человека как частичку сложного мира, живущего по единым законам, М.А. Шолохов наделяет одинаковыми возрастными чертами людей, созданные человеком вещи, животных, растения, землю, космические тела. Однако каждый раз в подобных контекстах подчеркивается возрастное соответствие, а не контраст. Молодая Наталья как **молодая яблоня в цвету**, – красивая, здоровая, сильная (ТД, 4, 145), цветущий багряно-черный тюльпан блистает яркой **девичьей красотой** (ТД, 4, 400), маленькое розовеющее облачко **веселое, как девичья улыбка** (ТД, 1, 140), прошлогодние растения в степи **выглядят старчески уныло, отжившие** (ПЦ, 5, 255), **цветущая, омытая дождями степь** <...> как моло-

дая, кормящая грудью мать, – необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства (ПЦ, 6, 7), у старой хромой суки – *слезящийся старушечий взгляд* (ТД, 1, 155), сорока садится *на спину старчески изможденной, ко всему безучастной клячи* (ПЦ, 5, 10), в кузнице слышатся *старчески хриплые, жалующиеся вздохи древнего меха* (ПЦ, 6, 21) и др.

В целом использование различных способов воплощения сравнения позволяет М.А. Шолохову, опираясь на стереотипные представления о приметах возраста, достичь значительной индивидуализации образов за счет использования синтагматического потенциала разноструктурных сравнений.

Литература

Александрова Д.И. Сравнение как способ создания художественного образа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 54–57.

Белик Н.А. Метафоры и сравнения в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» и их функциональная роль // IX Международные севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. работ. М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 3–11.

Ваганов А.В. Сравнения в языке произведений М.А. Шолохова. Ростов н/Д.: Б. и, 1992. 22 с.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): 2-е. изд. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.

Гвоздарев Ю.А. Колоризмы на страницах романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» // Войны России XX века в изображении М.А. Шолохова: Шолоховские чтения? сб. / отв. ред. Н.И. Глушков. Ростов н/Д., 1996. С. 195–198.

Гришанина Е.Б. Лингвистические особенности поэтического языка М.А. Шолохова (Звук в пейзажах «Поднятой целины») // Проблемы изучения языка и стиля М.А. Шолохова? межвуз. сб. / отв. ред. Г.Ф. Гаврилова. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2000. С. 11–17.

Давыдова О.А. Господа старики в изображении М. А. Шолохова // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. Филол. науки. 2009. № 3. С. 84–96.

Дроботун А.В. Специфика казачьего восприятия запаха в произведениях М. А. Шолохова // Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Филол. науки. 2009. № 4. С. 41–56.

Ермолаев Г.С. Сравнения в художественном строе «Тихого Дона» // Проблемы изучения творчества М.А. Шолохова: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.И. Глушков. Ростов н/Д.: Би., 1997. С. 251–262.

Крылова М.Н. Выражение языковой личности М.А. Шолохова посредством сравнительных конструкций (на материале «Донских рассказов») // Перспективы науки и образования. 2013. № 6. С. 166–169.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. 272 с.

Мяснянкина Л.И. Сравнение в идиостиле М.А. Шолохова: функционально-семантический и прагматический аспекты: дис.... канд. филол. наук. Львов, 2001. 221 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://mydisser.com/en/catalog/view/312/781/21370.html> (дата обращения 01.09.2019).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка: пособие для уч-ся нац. шк. СПб.: Просвещение, 1992. 176 с.

Савенкова Л.Б. Сквозная этнокультурная деталь в творчестве М.А. Шолохова // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Вип. 28. Каменец-Подольский, 2011. С. 405–410.

Семенова С.Г. «Донские рассказы». От поэтики к миропониманию // Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2003. С. 207–281.

Трофимова П.В. Своеобразие художественной детали в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: дис.... канд. филол. наук. М., 2009. 184 с. URL: <http://www.disscat.com/content/svoeobrazie-khudozhestvennoi-detali-v-romane-ma-sholokhova-tikhii-don>.

Тури Б. Сравнения в «Судьбе человека» М.А. Шолохова // Науч. записки Измаил. гос. пед. ин-та. Измаил, 1961. Вып. 2. С. 128–149.

Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1985–1986.

References

Aleksandrova D.I. Sravneniye kak sposob sozdaniya khudozhestvennogo obraza v romane M.A. Sholokhova «Tikhiy Don». *Russkiy yazyk v shkole*, 2005, no 3, pp. 54-57. (In Russian).

Belik N.A. Metafory` i sravneniya v romane M.A. Sholokhova «Tikhiy Don» i ikh funktsional'naya rol'. IX *Mezhdunarodnyye sevastopol'skiye Kirillo-Mefodievskiy chteniye*: sb. nauch. rabot, Moscow, 2016, pp. 3–11. (In Russian).

Vaganov A.V. *Sravneniya v yazyke proizvedeniy M.A. Sholokhova*. Rostov n/D., 1992, 22 p. (In Russian).

Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)*, 2-e izd. M., Vysshaya shkola, 1972, 616 p. (In Russian).

Gvozdev Yu.A. Kolorizmy na stranitsakh romana M.A. Sholokhova «Oni srazhalis` za Rodinu». *Voiny Rossii XX veka v izobrazhenii M.A. Sholokhova. Sholokhovskie chteniye?* sb., otv. red. N.I. Glushkov. Rostov n/D., 1996, pp. 195-198. (In Russian).

Grishanina E.B. Lingvisticheskiye osobennosti poeticheskogo yazyka M.A. Sholokhova (Zvuk v peyzazhakh «Podnyatoy tseliny`»). *Problemy izucheniya yazyka i stilya M.A. Sholokhova?* Mezhevz. sb., otv. red. G.F. Gavrilova. Rostov n/D., 2000, pp. 11-17. (In Russian).

Davydova O.A. Gospoda stariki v izobrazhenii M. A. Sholokhova. *Vestn. MGGU im. M. A. Sholokhova. Filol. nauki*, 2009, no. 3, pp. 84-96. (In Russian).

Drobotun A.V. Spetsifika kazach`ego vospriyatiya zapakha v proizvedeniyakh M.A. Sholokhova. *Vestn. MGGU im. M.A. Sholokhova. Filol. nauki*, 2009, no. 4, pp. 41-56. (In Russian).

Yermolayev G.S. Sravneniya v khudozhestvennom stroye «Tikhogo Dona». *Problemy izucheniya tvorchestva M.A. Sholokhova: Sb. statey Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, otv. red. N.I. Glushkov, Rostov n/D, 1997, pp. 251-262. (In Russian).

Krylova M.N. Vyrazheniye yazykovoy lichnosti M.A. Sholokhova posredstvom sravnitelnykh konstruktsiy (na materiale «Donskikh rasskazov»). *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 6, pp. 166-169. (In Russian).

Lebedeva L.A. *Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: Tematicheskii slovar'*, Krasnodar, 1998, 272 p. (In Russian).

Myasnyankina L.I. *Sravneniye v idiostile M.A. Sholokhova: funktsional'no-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty*: dis.... kand. filol. nauk. L'vov, 2001, 221 p. Available at: <https://mydisser.com/en/catalog/view/312/781/21370.html> (accessed 01.09.2019). (In Russian).

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html/> (accessed 05.10.2019). (In Russian).

Ogol'tsev V.M. *Ustoychivyye sravneniya russkogo yazyka: posobiye dlya uch-sya nach. shk.* SPb, 1992, 176 p. (In Russian).

Savenkova L.B. Skvoznaya ehtnokul'turnaya detal' v tvorchestve M.A. Sholokhova. *Naukovi pratsi Kam'yanets-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiienka: Filologichni nauki*, vip. 28, Kamenets-Podol'skij, 2011, pp. 405-410. (In Russian).

Semyonova S.G. «Donskiye rasskazy». Ot poehtiki k miroponimaniyu. *Novoye o Mikhaile Sholokhove. Issledovaniya i materialy*, M., 2003, pp. 207-281. (In Russian).

Trofimova P.V. *Svoeobrazie khudozhestvennoy detali v romane M.A. Sholokhova «Tikhii Don»*: dis.... kand. filol. nauk. M., 2009, 184 p. Available at: <http://www.disscat.com/content/svoeobrazie-khudozhestvennoi-detali-v-romane-ma-sholokhova-tikhii-don/> (accessed 05.10.2019). (In Russian).

Turi B. Sravneniya v «Sud'be cheloveka» M.A. Sholokhova. *Nauch. zapiski Izmail. gos. ped. in-ta*. Izmail, 1961, vyp. 2, pp. 128-149. (In Russian).

Sholokhov M.A. *Sobraniye sochineniy v 8 tomakh*. M., Khudozhestvennaya literature, 1985-1986.

Lyudmila B. Savenkova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Syntagmatics as a Way of Individualization of Age Stereotypes in the Novels by M. A. Sholokhov

It is argued that the skill of the writer is the ability to use the stereotypical views of readers as a basis for recognition and acceptance of the characters' images. At the same time, individualization is layered on the stereotype, and is formed to a large extent due to the appeal to the combinative potential of the various comparisons, which embody the stereotype. The use of age stereotypes in the novel prose of M. A. Sholokhov is considered. It is noted that the writer resorts to stable comparisons with the lexical variation and expansion, appeals to individual comparisons, based on conjunctions and semantically connected with the preconceptions about age (individual ones are almost three times more than stable ones). The deployment of comparisons due to the spread of each full-valued component is also repetitive. More often than comparisons, based on conjunctions, the author uses comparative adverbs, which help him to focus the reader's attention on the nuances of age characteristics. At the same time, the predominance of prefix-suffix derivatives (по-детски, по-молодому, etc.) over suffix derivatives (детски, старчески, etc.) allows us to conclude that Sholokhov tends to accentuate the detail as such but not the quality of it. If the comparisons, based on conjunctions, make it possible to emphasize a frequent deviation in the characteristic or in the behavior of the individual from the so-called standard, the adverbial comparisons are not so homogeneous: a third part of

them allows to see the correspondence of personal characteristics expected for the particular age group.

Key words: *Sholokhov, artistic detail, age, stereotype, comparison based on conjunction, comparative adverb, syntagmatics.*

Lyudmila B. Savenkova – grand Ph.D of Philology, head of the Russian language dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: +7(863)253-86-81; e-mail: savenkova@sfedu.ru